

И эта любовь до конца твоих дней
Останется главной опорой твоей.

Валентин Берестов

«Из дальних странствий возвратясь», а проще по пути из аэропорта после командировки, я оказалась в полупустом вагоне метро с одним из самых остроумных поэтов нашего времени. Ранний час после бессонного перелёта не помешал нашей неожиданно сердечной беседе, в конце которой мэтр российской сатиры совсем по-детски признался: «Я — мамин сын...»

Это дорожное знакомство я вспомнила на недавнем вечере в Центральном Доме работников искусств, посвященном Марселю ПАНЬОЛЮ (1895–1974), выдающемуся французскому прозаику и кинорежиссёру XX века. К чести «Роман-газеты», именно мы опубликовали в № 20 за 2017 год один из самых ярких романов писателя «Слава моего отца» (1957) в переводе талантливого слависта из Прованса, профессора Пьера Баккеретти.

За истекшие со времени публикации полтора года мы получили немало восхищенных откликов наших читателей, которые, как и мы, прочитав книгу Паньоля, открыли для себя «незнакомую Францию», страну добросердечных и мужественных мужчин, пленительных в своём материн-

Семейство Паньоля.

стве и безупречно преданных семье женщин, а главное, детей и подростков, чьё нравственное развитие происходило по нравственным лекалам личной порядочности и общественного уважения.

Проза Паньоля, на первый взгляд, изысканно романтична, хотя и пронизана нежным и весьма аккуратным юмором. Впрочем, какое крупное произведение о собственном детстве, коли уж оно было счастливым, не несёт в себе следов идеализации и робких оговорок, что «всё было почти так, именно так...»!

Пьер Баккеретти в содружестве с российской переводчицей Татьяной Чугуновой провёл в ЦДРИ то, что ныне называется словом «презентация». Обширный видеоматериал о Провансе и истории семейства Паньолей, подкрепило чтение отрывков из его прозы и киносценариев, после чего был показан фильм режиссёра Ива Робера «Слава моего отца» (1990).

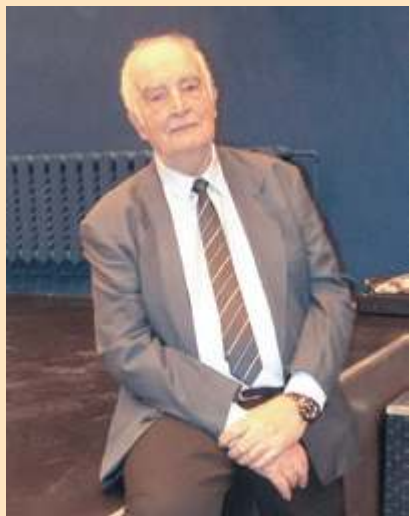
Удивительное чувство рождает это абсолютное традиционное французское кино: спустя полтора десятка лет после смерти писателя его проза была востребована зрителем, а еще через тридцать лет, в Малом зале ЦДРИ, где собралась очень отзыв-

чивая публика (многие — франкофоны), звучали аплодисменты в честь настоящего мужчины ...надцати лет, который свой «охотничий» подвиг совершает и для спасения репутации отца, и для того, чтобы предьявить матери собственную надёжность.

Паньоля консервативен, и тем он прекрасен. Со страниц его «Воспоминаний детства» (состоящих из четырёх романов: «Слава моего отца», «Замок моей матери», «Пора тайн», «Пора любви»), которые сейчас выходят в питерском издательстве «Азбука», предстают образцовые для нынешней «растерянной» и деморализованной Европы характеры: мужчины это мужчины, женщины это женщины, мальчики вырастают, чтобы строить семью, а девочки — выполнить своё главное предназначение.

К пятнадцати годам Паньоля осиротел, но заложенное в отрочестве чувство обожания матери, восхищение её стойкостью и безграничной любовью стало для него творческой опорой и нравственным ориентиром, без оглядки на новомодные «толерантные» постулаты, пожизненно. Паньоля современен и, увы, весьма своеобразно возвращается к читателю и кинозрителю. Он сын не только своей эпохи, он сын своей Матери. Чего и нам пожелал.

Елена ВАСИЛЬЕВА

Пьер Баккеретти

